

УДК 343.13

DOI: 10.34670/AR.2023.34.33.050

Юридическая оценка поведения участников уголовного процесса с точки зрения добросовестного и недобросовестного

Карсаков Андрей Викторович

Преподаватель кафедры уголовного процесса,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, Российская Федерация, Иркутск, ул. Лермонтова, 110;
e-mail: azotjoker.1@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования настоящей статьи являются возможности оценки поведения участников уголовного процесса с точки зрения «добросовестного» и «недобросовестного», объектом исследования – правоотношения возникающие в связи с осуществлением правосудия в уголовной сфере. В исследовании применялся исторический метод, а также общеправовые методы анализа и индукции. В статье проанализированы подходы к пониманию «добросовестности» и поведения человека дореволюционных и современных ученых, юристов и социологов. Вкладом автора в исследования является обоснование идеи оценки поведения участников уголовного процесса с применением социологической теории П.А. Сорокина о актах человеческого поведения. В результате исследования выявлено наличие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России паттернов оценки поведения подозреваемого (обвиняемого) по градации, предложенной П.А. Сорокиным: «запрещенное», «дозволенно-должное» и «рекомендуемое», которая адаптирована под современный уголовный процесс в следующем виде: «недобросовестно», «добросовестно», «рекомендуемо». Автор приходит к выводу о том, что установление недобросовестности поведения участника уголовного процесса может обосновывать применение репрессивных мер правового воздействия, добросовестность поведения презюмируется, а избрание участником уголовного процесса «рекомендуемой» линии поведения способно служить основанием для применения поощрительных мер. Данные положения применимы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в целях его оптимизации, обеспечения гибкости и процессуальной экономии без нарушения конституционных прав человека и гражданина.

Для цитирования в научных исследованиях

Карсаков А.В. Юридическая оценка поведения участников уголовного процесса с точки зрения добросовестного и недобросовестного // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 8А. С. 417-424. DOI: 10.34670/AR.2023.34.33.050

Ключевые слова

Добросовестность, недобросовестность, оценка поведения, поощрение, злоупотребление правом, добрая совесть, мораль, общественные интересы, процессуальная экономия, гибкость.

Введение

Добросовестность или недопустимость злоупотребления правом является общеправовым принципом современной правовой системы России и ряда зарубежных стран. Данный принцип находит свое отражение в Конституции Российской Федерации и, в целом, соответствует духу закона, так как правовое регулирование отношений, возникающих в социуме, осуществляется на основе общественного договора, что предполагает принятие норм и добросовестное следование им каждым членом общества. Принцип добросовестности, побуждает участников правоотношений оценивать собственное поведение с точки зрения «добросовестного» и «недобросовестного». Данная правовая категория тесно связана с вопросами соотношения права и морали, а также отсылает правоприменителя к совести человека. При этом, речь идет не о внутренних нравственных представлениях каждого отдельно взятого субъекта, а о некоей усредненной, общечеловеческой совести, общечеловеческой морали. Максимально упрощенно – понятие добросовестности в правовом поле воспринимается как тождественное понятию законопослушности, так как правовые нормы отражают общечеловеческую мораль, но так ли это?

Основная часть

Каждая отрасль права так или иначе основывается на положениях основного закона и, применительно к собственному предмету, расширяет и конкретизирует их. То же касается и общеправового принципа добросовестности, который нашел наиболее объемное и полное отражение в частном праве и юридической литературе, посвященной ему. Однако, вопросы проявления добросовестности в публичных отраслях права, исследуются значительно реже, ввиду чего, единого мнения о месте добросовестности в публичных отраслях права, а также о критериях разграничения «добросовестного и недобросовестного» в публичном праве и уголовном процессе, в частности, на данный момент не существует.

Говоря об оценке поведения человека с точки зрения добросовестности или «принципа доброй совести», невольно обращаемся к мыслям юристов, исследующих гражданское право, а значит нельзя обойти вниманием труды отечественного дореволюционного ученого-цивилиста И.Б. Новицкого, посвятившего свои труды изучению интересующей нас темы. Согласно его позиции, добросовестность есть принцип, являющийся развитием идей римских юристов, а понятие «доброй совести» возможно рассматривать в двух ипостасях – субъективной и объективной. Субъективная добросовестность сводится к классической формуле оценки поведения субъекта правоотношений в виде «не знал и не должен был знать», однако по его мнению, «нельзя свести понятие добросовестности к внутреннему чувству, к внутреннему голосу, подсказывающему, как нужно поступить при данной комбинации, как отнестись к другим людям; это значило бы лишить понятие доброй совести признаков объективного мерила, превратить его в субъективный взгляд каждого отдельного члена общества, что явно неправильно и недопустимо» [Новицкий, 2006]. С этим утверждением нельзя не согласиться, так как принцип доброй совести служит целям правового регулирования и в своей сущности обязан содержать некие стандарты, границы поведения, признаваемые обществом. В объективном смысле, «добрая совесть ... есть критерий, указывающий, чего требует от лица связанность, согласованность отдельных частных интересов между собой и с интересом общественным, как нужно поступить, чтобы эту согласованность не нарушить; в доброй совести

заложен предел индивидуалистического начала» [там же, 10]. Данная позиция представляется справедливой, так как она не связывает участников правоотношений необходимостью ставить чужие интересы превыше своих, действовать руководствуясь общественными интересами. Напротив, она позволяет человеку следовать личным интересам и в целях обеспечения правопорядка, устанавливает границу, фактически проводит ярко красную черту, за которую участникам правоотношений заходить не дозволено. Именно в этой связи, добрая совесть представляется в виде презумпции, заключающейся в том, что поведение каждого субъекта правоотношений – добросовестно ровно до момента совершения конкретным субъектом недобросовестного поступка – то есть, с момента установления факта злоупотребления правом. Таким образом, оценка правового поведения конкретного лица с точки зрения добросовестности в гражданских правоотношениях имеет две степени градации – поведение со знаком «+» и поведение со знаком «-». Имея представление о сущности добросовестности в гражданской сфере права, перейдем к смежным категориям, имеющим место в уголовном процессе.

Добросовестность, в русле самостоятельной категории или идеи в уголовном процессе России как правило не изучается, но смежное понятие – злоупотребление правом в последние годы все чаще становится предметом научного интереса. Изучению злоупотребления правом свои труды посвятили О.И. Андреева, Т.В. Трубникова [Андреева, Трубникова, 2017], Д.А. Доника [Доника, 2020], К.М. Баева [Баева, 2016], В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев [Азаров, Нурбаев, 2016] и другие.

Наиболее любопытной представляется позиция О.И. Андреевой и Т.В. Трубниковой, согласно которой злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве подразделяется по субъекту и может иметь место со стороны должностных лиц и лиц частных. Они считают, что злоупотребление правом должностных лиц выражается в реализации ими своих полномочий, в результате которой ничем не оправданно ограничивается или создается угроза нарушения конституционного права участника уголовного процесса, либо его право на судебную защиту. Злоупотребление же частным лицом – участником процесса субъектным правом имеет место при соблюдении двух условий: 1) поведение участника является неразумным с точки зрения реализации его права на защиту – то есть, не разумным с точки зрения реализации его права на судебную защиту 2) поведение участника нарушает право других субъектов на судебную защиту и/или конституционные права последних, либо публичный интерес – то есть является явно недобросовестным [Андреева, Трубникова, 2017]. Кроме того, в своем исследовании авторы отталкиваются от положения о том, что во всех сферах права, в том числе уголовно-процессуальной, должен действовать «принцип незлоупотребления правом», который, как видится, подразумевает, что каждый субъект права, независимо от наличия властных полномочий, обязан соразмерять свое правовое поведение с правами и свободами иных лиц. Позиция авторов представляется справедливой, так как критерии отнесения поведения участников к злоупотреблению правом касаются всех участников процесса и учитывают возможность нарушения не только права на судебную защиту, но и конституционных прав граждан.

В то же время, из поля зрения авторов исключаются сугубо процессуальные права участников уголовного процесса, например, право эксперта знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы, право давать показания на родном языке или языке, которым он владеет – свидетеля. Видится, что поведение иных участников, в связи с реализацией их прав, в случае установления 2-го условия, указанного ранее, также должно признаваться злоупотреблением правом. Более того, нельзя согласиться с

тем, что злоупотребление субъектным правом частного лица, может иметь место только при установлении неразумности его поведения с точки зрения его права на судебную защиту. Представляется, что такой подход к определению злоупотребления правом в уголовном процессе, позволяет примерять критерии злоупотребления только к субъектам, вступившим в уголовный процесс в связи с реализацией права на их судебную защиту, либо же пользующимся таким правом в качестве лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Однако, участники уголовного процесса, отнесенные действующим Уголовно-процессуальным кодексом, к категории «иные», исходя из их полномочий, выполняют обязанности и реализуют свои права, несколько дистанцированно от права на защиту, в связи с чем следует отметить, что злоупотребление правом, допущенное последними не должно оставаться без внимания.

Продолжая изучение оценки поведения участников правоотношений с точки зрения добросовестного и недобросовестного, нельзя проигнорировать тот факт, что право является неотъемлемой частью общественной организации и отвечает на те или иные запросы общества, актуальные времени, с его социально-экономическими условиями. Правовые принципы, идеи, основополагающие начала, институты и отдельные правовые нормы взаимосвязаны с обществом, его состоянием, структурой и нравственными ориентирами, признаваемыми в нем. Развивая эту мысль, согласимся с тем, что правовые науки, в известной мере, взаимодействуют с социологией, перенимая элементы ее методологии и изучая закономерности. Применительно к предмету изучения настоящей статьи, нельзя не обратиться к мыслям ведущего мирового социолога, нашего соотечественника – П.А. Сорокина, посвятившего свой первый труд изучению общественного поведения и морали. Согласно его воззрениям, акты человеческого поведения подразделяются на три категории: акты «дозволенно-должные» – то есть соответствующие правам и обязанностям, акты «рекомендуемые» – то есть превышающие по объему должное поведение, не несущие в себе обязанности, а потому желательные и акты «запрещенные» или «недозволенные» – то есть нарушающие права и обязанности [Сорокин, 2006, 122]. Данные категории выделены автором применительно к оценке поведения человека другим человеком, однако, ввиду того, что в основании такой классификации лежат права и обязанности, она также применима при оценке поведения отдельного человека обществом в рамках правовой деятельности, в том числе в правоотношениях уголовно-процессуального характера.

В подтверждение сказанного проведем анализ уголовно-процессуального закона. Категории «злоупотребление правом» и «недобросовестное поведение», зачастую тождественны и это тождество обнаруживается в том, что основанием для признания конкретного поступка, либо же связанных между собой поступков, недобросовестными или же злоупотреблением правом, необходимо, чтобы имело место явное нарушение определенного стандарта, правила, нижней границы допустимого в обществе поведения. В таком случае, система оценки поведения субъекта состоит из двух уровней: «нормально» и «плохо», или же «добросовестно» и «недобросовестно», что можно назвать своеобразной дихотомией добросовестности. Возможное правовое воздействие на добросовестных и недобросовестных субъектов при указанной системе оценки, в конечном итоге сводится к наступлению негативных последствий для недобросовестного субъекта и отсутствию правового воздействия на субъекта добросовестного. Современные тенденции, направленные на повышение эффективности уголовного процесса, его упрощение и обеспечение процессуальной экономии, без ущерба обеспечению прав и законных интересов человека и гражданина, обуславливают развитие поощрительных мер в уголовном судопроизводстве, примером чему служит институт

досудебного соглашения о сотрудничестве. В рамках этого института, лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, приобретает третий, исключительный уровень возможной оценки его поведения. Соблюдение им условий досудебного соглашения – фактически добровольно взятых на себя дополнительных процессуальных обязанностей, влечет за собой постановление приговора с учетом уголовно-правовых послаблений, выгодных осужденному. Дихотомия «добросовестности», при наличии юридического факта в виде соглашения, преобразуется в триаду: «плохо», «нормально» и «хорошо». Выразить это же возможно через следующие термины: «недобросовестно» («запрещено»/«недоволено» по Сорокину), «добросовестно» («дозволено-должно» по Сорокину), и «рекомендуемо». Так, проверка соблюдения обвиняемым условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, заключается в оценке его поведения, которая в случае признания его условно «рекомендуемым», повлечет за собой обязательное применение установленных законом норм, улучшающих его положение. Кроме того, в отечественном уголовном процессе имеется еще один яркий пример оценки поведения лица исторически сложившийся институт явки с повинной, который в купе с признанием вины и активной помощи в раскрытии преступления отражает поведение совершившего преступление лица, которое подлежит оценке как «рекомендуемое», так как такое поведение не является обязательным и в своей сущности свидетельствует о снижении общественной опасности лица в связи с раскаянием и осознанием преступности собственных действий, что принимается судом во внимание как смягчающее обстоятельство, и также влечет положительные для виновного уголовно-правовые последствия.

В проанализированных нормах речь идет преимущественно о подозреваемом (обвиняемом), а избрание последним «рекомендуемого» поведения, влияет только на правила назначения ему наказания. Вместе с тем, оценка поведения всех категорий участников уголовного процесса с точки зрения добросовестности может найти свое развитие и в институтах форм расследования, мер процессуального принуждения, участия понятых, отводов, свидетельского иммунитета и прочих, влечь за собой не только уголовно-правовые, но еще и сугубо уголовно-процессуальные последствия, раскрывающиеся в расширении прав, избавлении от обязанностей. На первый взгляд такая идея может восприниматься как необоснованное расширение усмотрения в уголовном судопроизводстве, которое приведет к увеличению уровня злоупотребления правом со стороны правоохранительных органов на стадии введения такого института, но нельзя отрицать тот факт, что систематизированная оценка поведения участников процесса, при четком установлении границ «дозволенного» и «рекомендуемого», способна принести плоды, отвечающие интересам как общества в целом, так как и каждой отдельно взятой личности.

Данная мысль подтверждается тем, что любое поведение участника уголовного процесса влечет за собой необратимую реакцию со стороны уполномоченных органов, которая, в сущности, соответствует учению П.А. Сорокина [там же, 127]. Дозволено-должное поведение, то есть добросовестное, влечет за собой «должную» реакцию, лишенную какой-либо репрессии или поощрения. Явка очевидца совершенного преступления по повестке следователя для допроса в качестве свидетеля является примером дозволено-должного поведения. Следователь выполняет свою работу и стремится к достижению назначения уголовного судопроизводства, а свидетель выполняет свое обязательство, наступившее в связи с получением повестки. В результате такого взаимодействия все выполняют свои обязанности и ни на кого не оказывается дополнительное воздействие. Следующий вид возможного поведения - запрещенное поведение, то есть недобросовестное, будь то прямое нарушение уголовно-процессуальных норм или злоупотребление правом, повлечет применение мер репрессивного характера, обусловленное

стремлением субъектов правоотношений к восстановлению справедливости – то есть кару. В качестве примера возможно привести случай неявки свидетеля по вызову, в результате которой, следователь может реализовать полномочия по применению своеобразной «кары» в виде иной меры процессуального принуждения – привода, кратковременно ограничив право такого свидетеля на свободу передвижения. Заключительный вид поведения – рекомендуемое, выражающееся в совершении сверхнормальных действий, взятии и исполнении дополнительных обязательств влечет реакцию, характеризующуюся стремлением участников правоотношений к поощрению – то есть награду, которая в свою очередь стимулирует и иных участников процесса к подобным действиям. Пример такого поведения – случай, когда очевидец преступления самостоятельно является в отдел полиции, сообщает о преступлении и дает подробные показания, которые позволяют пресечь или раскрыть преступления в кратчайшие сроки. Однако, в настоящее время, уголовный процесс не имеет инструмента, позволяющего должным образом реагировать на «рекомендуемое» поведение свидетеля, и решение о его награде принимается исключительно за рамками уголовного процесса и может состоять в награждении гражданина правами МВД России за проявленную бдительность и активную гражданскую позицию. Возникает вопрос о необходимости «награды» иных участников уголовного процесса, процессуальными инструментами, который требует тщательной проработки и серьезного обоснования.

Заклучение

Приходим к выводу, что оценка действий участников уголовного судопроизводства с точки зрения «добросовестности», может включать в себя не только, собственно, явные нарушения и злоупотребления правом или правопослушное поведение участника (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), заключающееся в соблюдении правовых предписаний, но еще и принятие и выполнение им дополнительных обязательств, способствующих достижению назначения уголовного судопроизводства, реализации общественных интересов и свидетельствующих о снижении общественной опасности субъекта, влекущей обязательное улучшение его положения. Видится, что дальнейшее развитие уголовного процесса посредством введения поощрительных норм, либо же иных договорных, диспозитивных норм, влекущих определенные поощрительные уголовно-правовые последствия, имеет право на существование и, кроме того, обуславливается современными общественными реалиями¹. Такие нормы или институты, в своей структуре должны будут содержать условия поощрения и непосредственно поощрительные меры. И если оценка поведения гражданина с точки зрения добросовестности, при определении наличия или отсутствия злоупотребления правом, выливается в формулу: совершал явное злоупотребление, т.е заходил ли за «красную» черту, или же нет, то такая же оценка поведения гражданина, при определении наличия или отсутствия условий для применения поощрительных мер, т.е «рекомендуемого» поведения, должна будет

---

¹ В качестве примера рекомендуемого поведения участников уголовного процесса со стороны защиты, влекущего поощрительные меры правового воздействия в связи с достижением общественных интересов, возможно назвать освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно пожелавших защищать интересы Российской Федерации. Правовая природа данного явления на данный момент не ясна и не обусловлена действующим законодательством, однако всецело принимается обществом, так как отвечает его запросам и способствует достижению общественного интереса.

осуществляться по законодательно закрепленным критериям, установленным отдельной нормой, или же, находить свое отражение в общей части уголовного процесса. В своей сути, такие критерии должны быть связаны с добровольным взятием на себя и исполнением участником уголовного процесса дополнительных обязанностей. Предложенный подход к оценке поведения участников уголовного процесса и введение такой оценки в действующее законодательство в качестве самостоятельного института, позволит дифференцировать и оптимизировать правовое регулирование в рамках уголовного судопроизводства, обеспечить его гибкость и имеет перспективы в русле обеспечения процессуальной экономии без нарушения и ограничения конституционных прав человека и гражданина.

Библиография

1. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Категория «Злоупотребление правом» в уголовном процессе РФ: межотраслевой взгляд // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3 (21). С. 5-12.
2. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: некоторые итоги исследования // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 86-94.
3. Баева К.М. Злоупотребление правом как уголовно-процессуальная категория // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 217-219.
4. Доника Д.А. К вопросу злоупотребления правом как проблеме в уголовно-процессуальной науке // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 132-143.
5. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
6. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
7. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. URL: https://www.mvgr.org/_files/ugd/6aafae_40f5cf90a003466a82395bdecfe4f836.pdf
8. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 618 с.
9. Haynes-Curtis C. The 'faith' of bad faith // Philosophy. – 1988. – Т. 63. – №. 244. – С. 269-275.

Legal evaluation of behavior of criminal process participants through the good faith and bad faith

Andrei V. Karsakov

Lecturer at the Department of Criminal Procedure,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
664074, 110, Lermontova str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: azotjoker.1@yandex.ru

Abstract

The subject of this article are the possibilities of legal evaluation the behavior of participants in criminal proceedings through the «good faith» and «bad faith», the object of the study is law relations arising in connection with the criminal justice. Researcher used the historical method, as well as general legal methods of analysis and induction. The author's contribution to the research is the substantiation of the idea of assessing the behavior of participants in the criminal process using the sociological theory of P.A. Sorokin on acts of human behavior. The article analyzes the

approaches to understanding “conscientiousness” and human behavior of pre-revolutionary and modern scientists, lawyers and sociologists. The author's contribution to the researches is the substantiation of the idea of assessing the behavior of participants in the criminal process using the sociological theory of P.A. Sorokin on acts of human behavior. The author concludes that the establishment of bad faith behavior of a participant in a criminal process can justify the use of repressive measures of legal influence, good faith conduct is presumed, and the choice of a “recommended” line of conduct by a participant in a criminal process can serve as a basis for the application of incentive measures. These provisions are applicable when improving the criminal procedure legislation in order to optimize it, ensure flexibility and procedural economy without violating the constitutional rights of a person and a citizen.

For citation

Karsakov A.V. (2023) Yuridicheskaya otsenka povedeniya uchastnikov ugolovnogo protsessa s tochki zreniya dobrosovestnogo i nedobrosovestnogo [Legal evaluation of behavior of criminal process participants through the good faith and bad faith]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (8A), pp. 417-424. DOI: 10.34670/AR.2023.34.33.050

Keywords

Conscientiousness, good and bad faith, evaluation of behavior, encouragement, abuse of right, good conscience, morality, public interest, procedural economy, flexibility.

References

1. Andreeva O.I., Trubnikova T.V. (2017) Zloupotreblenie pravom v ugolovnom protsesse: nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of law in criminal proceedings: some research results]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 4, pp. 86-94.
2. Azarov V.A., Nurbaev D.M. (2016) Kategoriya «Zloupotreblenie pravom» v ugolovnom protsesse RF: mezhotraslevoi vzglyad [Category “Abuse of law” in the criminal process of the Russian Federation: an intersectoral view]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 3 (21), pp. 5-12.
3. Baeva K.M. (2016) Zloupotreblenie pravom kak ugolovno-protsessual'naya kategoriya [Abuse of law as a criminal procedural category]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial power and criminal process], 2, pp. 217-219.
4. Donika D.A. (2020) K voprosu zloupotrebleniya pravom kak probleme v ugolovno-protsessual'noi nauke [On the issue of abuse of law as a problem in criminal procedural science]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (93), pp. 132-143.
5. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
6. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
7. Novitskii I.B. (2006) Printsip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The principle of good conscience in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of civil law], 1. Available at: https://www.mvgp.org/_files/ugd/6aafae_40f5cf90a003466a82395bdecfe4f836.pdf [Accessed 09/09/2023]
8. Sorokin P.A. (2006) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the basic forms of social behavior and morality]. Moscow: Astrel' Publ.
9. Haynes-Curtis C. (1988) The "faith" of bad faith. *Philosophy*. T. 63. No. 244. Pp. 269-275.